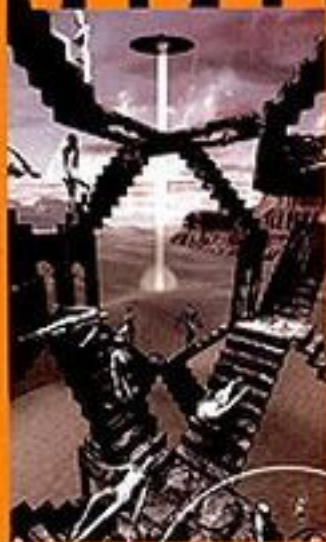

ПЕРЕНДІКУЛАРНЫҢ

VMP

2004

Олег Овчинников

Кокон

«Автор»

2004

Овчинников О. В.

Кокон / О. В. Овчинников — «Автор», 2004

Действие большинства фантастических произведений происходит в XXI веке. Для многих поколений писателей-фантастов и читателей 2000 год был загадочной, волнующей, недостижимой датой, фронтиром между реальностью и неким туманным завтра, в котором человечество ожидал технократический рай или технократический ад. Завтра наступило несколько лет назад. Многочисленные предсказания не сбылись. Фантастика не умерла, но теперь писателей, работающих в этом направлении, волнуют другие темы и проблемы, связанные с современностью, в которой порой происходят самые невероятные вещи. В этот сборник вошли новые произведения ведущих отечественных фантастов, написанные на стыке различных жанров и направлений, представляющие популярных писателей в неожиданном ракурсе, расширяющие пространство современной фантастической литературы.

© Овчинников О. В., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Олег Овчинников

Кокон

Глава первая

Левый локоть – вперед, да подальше. За ним колено. Теперь подтянуться всем телом – аккуратно, чтобы брюхо не волочилось по земле. И наконец последняя часть марлезонского балета: бережно, если не сказать трепетно, точно мамину хрустальную салатницу, обеими руками подтащить к себе правую, бесполезную ногу. Все. Загнуть первый палец.

Три глубоких вдоха сквозь зубы, и... левый локоть – вперед.

«Поздравляю с началом утреннего променада!» – усмехнулась Аля. Усмешка вышла горькой, как разжеванное натошак кофейное зерно, и кривой – из-за веревки, размочаленный конец которой она сжимала в зубах. Кстати, какого лешего она тянет за собой эту пыльную капроновую пуповину? Свой короткий, но такой изматывающий ежедневный маршрут Аля могла бы проползти и с закрытыми глазами. Да что там – не раз уже проползала. Все равно, как ни таращь глаза, без фонарика ничего не разглядишь в окружающей мгле, а последний комплект батареек она берегла. Так для чего веревка? Наверное, по привычке. Кроме того, капроновый кляп неплохо заглушал стоны, которые иначе убегали куда-то в даль, отражаясь от тесных стенок и свода, а потом вдруг возвращались, когда уже не ждешь, странным образом усиленные и пугающие до жути.

Аля поморщилась и продолжила свой нелегкий путь.

Локоть, колено, все остальное и – фарфоровую вазочку с изящной позолоченной ручкой – правую ногу. Загнуть палец.

Локоть, колено, брюхо и – тончайшие крылышки ночной бабочки – уродливую ногу. Загнуть палец.

Локоть, колено, пузо и – растрескавшийся тысячелетний черепок под нежной кисточкой археолога – эту чертову ногу!

Аля и представить себе не могла, что это может быть так тяжело – загибать пальцы.

Локоть, колено, подтянуться и – ласковые... ласковые как... На семнадцатом ползке – она успела загнуть все пальцы на обеих руках и снова отогнуть семь – это все-таки случилось. На ее пути оказался камень, крошечный булыжник, неуверенно, точно расшатавшийся зуб, сидящий в своем гнезде. Нога проволокалась по нему, ненароком сковырнув, подпрыгнула на остром крае и ударилась коленкой об пол. Боль тупой спицей вошла в колено, в трех местах прошила изуродованную голень, брызнула искрами из разом промокших глаз. Так что Але на миг показалось, что в погруженном в вечную тьму тоннеле кто-то включил верхний свет. В течение нескольких мгновений она могла отчетливо видеть его неровные тесные стены в грязно-розовых прожилках обнажившегося карста и, если бы не слезы, разглядела бы все, вплоть до мельчайшей выщербинки в каменном полу и глубоких незаживающих царапин на трех так и не разжавшихся пальцах. Потом свет померк, боль осталась, и Аля тихонько заскулила от безысходного отчаяния. За что ей все это, а? Ну за что?

Она позволила жалости удерживать верх над собой несколько тягучих минут. Потом глубоко вздохнула. Посильнее сжала в зубах обтрепавшийся конец веревки. И... двинула вперед левый локоть. Да подальше.

Через тридцать четыре ползка надо будет свернуть. В стене по правую руку откроется ниша, низкая, по колено нормальному человеку, так что если не загибать пальцы, можно проползти мимо. А разворачиваться в тесном тоннеле с ногой, торчащей в сторону как чертежная лапка циркуля, это совсем другая история!

Вынужденная монотонность действий не раздражала Алю, напротив, в ней присутствовало что-то успокаивающее. Она не мешала ей думать. Не мешала вспоминать о тех днях, когда все в ее жизни было хорошо. Пусть скучновато порой, зато спокойно. Милый Боженька, как же мало ценила она маленькие радости обыденной жизни! И как много отдала бы сейчас за возможность просто помыть голову с ромашковым шампунем, закутаться в домашний халат, вдеть босые ноги в тапочки, выйти на... А вот это странно. У них ведь никогда не было балкона, на первом этаже его просто не может быть. И все равно в своих повторяющихся мечтах она постоянно видела его, словно фрагмент подсмотренного случайно чужого сна – уютный балкон с фигурной решеткой ограждения и подвешенными к перилам деревянными ящиками с какой-то зеленью. Она выходила на балкон, вдыхала глубоко, до боли под ребрами, пьянящий прохладный воздух, улыбалась солнышку, красному и уже частично скрытому далеким горизонтом – потому что вечер. И ветер ласково трепал ее пахнущие ромашкой волосы.

Как же ей не хватало этого – сейчас! И как же она не догадалась, что лишится всего этого – тогда, месяц с небольшим тому назад. В тот памятный день, когда, вернувшись от мамы, она застала Антона в финальной стадии сборов, деловито подтянутого и довольного, как самовар.

– Антош, опять? – с притворной строгостью спросила она.

Он ничего не ответил, лишь сделал рукой приглашающий жест, предлагая ей самостоятельно оценить масштабы приготовлений.

Та-ак... Аля обвела взглядом комнату. Вещи и вещички, давно знакомые и те, которые она видела впервые, были аккуратно разложены на столе, на диванном покрывале, прямо на полу.

Два спальника. Один выдавший виды, другой совсем новый, веселенькой расцветки, наверняка предназначенный для нее. Раньше им хватало и одного, причем внутри оставалось еще пространство для нехитрого упоительного маневра. Но за последний год Тошка заметно округлился в талии, не то что располнел, но по-хорошему заматерел. Стал уютнее. Теперь, когда он с гантелями в руках подходил по утрам к зеркалу, в нем отражались уже не четкие квадратики пресса, а несколько крупных складок, подчеркнутых належанными за ночь красными полосками. В принципе, под полосками угадывались все те же квадратики, как угадываются под гребнями песчаных дюн силуэты башен засыпанного временем города, но в целом тенденция была очевидна – Тошка крупнел. Да и ей последнее время требовалось больше личного пространства. Так что два спальника – это, пожалуй, правильно.

Дальше. Походный котелок, не круглый, а вытянутый, с одной вогнутой стенкой – под спину. Совсем новый, судя по всему, только что отдраенный от заводской смазки. Взамен того, что утонул в Малой Вьюжке. Из котелка торчит верх пластиковой пятилитровой канистры. Рядом – их старенький «Шмель», с которого Тошка еще перед первым и единственным своим восхождением снял тяжелый кожух. «Не пригодится» – авторитетно пообещал муж. Кожух и правда не пригодился, да и сам примус можно было не брать – ради легкой двухчасовой прогулки.

Упаковка (пять коробков) обычных спичек. Еще две плоских пачки охотничьих, таких, что не гаснут даже в воде.

Сухое горючее. Четыре колбаски в фантике из вощенной бумаги. Каски со смешными лампочками на лбу и уходящими на затылок проводками. Два ручных фонарика с петлей для запястья. Десяток батареек «Орион».

Две пачки чая – «Бодрость» и со слоном. Большая алюминиевая кружка, одна на двоих. Фляжка в брезентовом чехле. Набор столовых приборов на две персоны.

Шесть банок сгущенки с бело-голубой этикеткой. Двенадцать банок тушенки – настоящей, с широкоскулой буренкой на боку, а не с сомнительного качества китайской продукцией. Аля вспомнила, как не смогла сдержать смех, прочтя на этикетке импортной банки слово «тушонка». А потом опять же не смогла объяснить пожилой продавщице, что ее так развесе-

лило. Так, с опечаткой, «тушонка» представлялась ей этакой маленькой тушкой. Крошечной коровкой, выращенной специально под размер банки.

Два консервных ножа – с запасом, чтобы гарантированно не оказаться в ситуации героев Джерома К. Джерома или недавно вышедшей кинокомедии про «Спорт-Лото». Солидный Тошкин нож с множеством выдвижных лезвий – в нем были даже маникюрные ножнички и пилочка для ногтей.

Две аптечки: Полезная, где лежат бинт, вата, йод, аспирин, активированный уголь и прочая необходимая мелочевка, и Бесполезная, которую Тошка в свое время привез со сборов и теперь повсюду таскает с собой, заявляя с ухмылкой: «На случай атомной войны!»

И одежда, не по сезону теплая. И две пары резиновых сапог. И посверкивающее пряжками и карабинами незнакомое снаряжение. И много чего еще.

– Ну. И куда на сей раз? – спросила Аля и немедленно убрала от груди скрещенные руки, одновременно оттолкнувшись плечом от дверного косяка. Слишком уж эта поза и интонация вопроса напоминали ее мать. И это пропахшее нафталином словечко «сей»... – Ты что задумал, Тош? А коньяк зачем? Мне же нельзя.

– Двадцать грамм можно, – заверил Антон. Он лихо открутил золотистую крышечку, как хомячок подвигал носом над бутылочным горлышком и изобразил лицом краткий миг блаженства. – Отпразднуем, когда заберемся за пазуху к матушке-Земле! – объяснил он и с сожалением отставил бутылку на стол.

«Пять звездочек»! – ужаснулась Аля. Да и прочее: котелок, второй спальник... Это сколько же денег ушло? Целая прорва!

– Так куда? – повторила она.

– погоди, скоро узнаешь. У нас поезд через четыре часа.

«Ах, да, еще же билеты!» – мысленно присовокупила Аля и так же мысленно вздохнула. А на что, позвольте спросить, они будут жить до следующей зарплаты? Или Тошка по секрету от нее получил премию? И все равно, вбухивать все деньги в какую-то очередную авантюру... В то время как ей уже хотелось, просто-таки не терпелось купить каких-нибудь трогательных мелочей с кружавчиками и рюшечками.

– На вот. – Антон протянул ей рюкзачок, скорее детский, чем женский, с забавной аппликацией на кармане. – Для всяких твоих женских штучек, – пояснил снисходительно. «Бережет!» – удовлетворенно отметила Аля.

Свой рюкзак упаковывал долго, доставал и перекладывал вещи раза три. Наконец застегнул. Не влезли только котелок и канистра. Установленный на край дивана рюкзак оказался ростом с Антона.

– Как же ты это все?... – растерялась Аля. Но Тошка уже присел спиной к дивану, вдел руки в лямки и поправил мягкие наплечники.

– Нормально. Запас карман не тянет, – бодренько заявил он, вставая с рюкзаком. Пошатнулся, ухватился рукой за стол и заметил с удивлением: – Но мамочка моя! Как же он оттягивает плечи!

Снял рюкзак, ослабил завязки. По новой перераспределил вещи. На этот раз уместилось все, даже котелок. Правда, пришлось вынуть две банки тушенки и сгущенку, а коньяк из бутылки перелить во фляжку. Водрузив на плечи махину рюкзака, Антон подвигал шеей, сделал пару кругов по комнате и, видимо, остался доволен.

– Ну вот, совсем другое дело. Теперь хоть тундра, хоть тайга, хоть соленый Тихий океан – все пройду! И ты давай, давай, собирайся, – поторопил он Алю. – Все скоропортящееся и быстро сгорающее возьмем на месте.

Аля собиралась второпях. Покачала головой, разглядывая свой полевой костюм: пуговицу на брюках, по-хорошему, стоило бы перешить. Но когда, когда? А, в поезде разберемся! Покидала в рюкзачок кое-что из «женских штучек», только самое-самое, что успела: зубную

щетку, недавно начатый тюбик болгарской пасты «Крест», расческу, мыло, иголки с нитками. Ну и конечно Любимую Книжку, с ней Аля не смогла бы расстаться даже на три дня.

Рюкзак получился легким – не рюкзак, а школьный ранец. Опять же эта легкомысленная аппликация... Рядом с Тошкой, согнувшимся под тяжестью груза, точно рабочий муравей, Аля первое время чувствовала себя неловко. Потом успокоилась и даже загордилась слегка: неси, неси, тебе положено. Муш-щина!

Только в вагоне, пристраивая в багажный рундук полупустой рюкзачок, пожалела мимоходом: сгущенку-то можно было взять. Сейчас бы с чайком... И тушенку, две банки, для кого оставила? Вон сколько места еще.

Аля снова вспомнила импортную «тушонку» и прыснула в кулак. Поймала недовольный взгляд Антона, еще не отдышавшегося после пробежки по перрону с трехпудовой нагрузкой за плечами, и заставила лицо посерьезнеть. Что-то она и впрямь расчихикалась сегодня. Как девочка!

Пять недель спустя при воспоминании о забытых дома на столе банках с коровами: двумя коричневыми и одной бело-голубой, ей уже не хотелось смеяться. Честно говоря, хотелось лечь и умереть, только мгновенно и безболезненно. Или выпиться зубами в запястье и в сотый раз проклясть собственную глупость. Это же надо – оставить целых три банки! За каждую из которых сейчас Аля отдала бы... «А что, собственно?» – спросила она себя, прерывая поток самообвинений. Руку? Палец? Нет, все жалко! Лучше уж ногу – правую, бесполезную, чтобы не мешала ползти.

Она волочилась за Алей как неродная. По ровному полу еще ничего, если все делать правильно и не спешить, а вот о том, чтобы спуститься или подняться с такой ногой по склону, даже ничтожно малому, она не могла подумать без содрогания. К сожалению, ее каждодневный маршрут – от Лежбища до Семикрестка, от Семикрестка до Поилки и назад – в нескольких местах вынуждал Алю карабкаться по пологой стенке колодца или спускаться в каверну. Неглубокую, но, Боженька, миленький, за что же ей такое?

Заранее настроившись на боль, предвкушая ее готовыми в любой момент дрогнуть и искривиться губами, Аля крепко сжала в зубах конец каната и процедила, не обращая внимания, что голос ее звучит глухо и невнятно, словно у столетней старухи:

– Милорд! Предложите даме хотя бы руку!

Всего каких-то полметра. Максимум сантиметров семьдесят. Развернуться спиной к краю каверны, спустить вниз здоровую ногу, нащарить ступней опору и медленно, цепляясь руками за боковые выступы, перенести на нее вес тела. После чего, как водится, взять больную ногу в руки и бережно, точно переливающийся на солнце мыльный пузырь, которого стоит коснуться – и на руках останется только липкая мыльная пена... Ничего сложного – на словах, не сложнее, чем слезть с лошади. На деле ей редко когда удавалось проделать этот маневр без боли. Но сегодня, по счастью, был как раз один из таких редких дней.

– Благодарю вас, милорд! – пробормотала она, еще не веря до конца, что один из сложных этапов пути пройден без потерь. Хотя, как знать, может, каверна просто копит силы в ожидании ее возвращения? Спуск получился безукоризненным, а вот удастся ли ей так же легко подняться назад? – Вы очень мне помогли. Скажите, где я могла видеть вас раньше?

Если бы Тошка был рядом, подумала вдруг, он бы помог? Руку хотя бы подал? Или смотрел бы со стороны на ее неловкие трепыхания, на эти черепашии бега наперегонки с болью, находя в них повод для едкой насмешки?

Ей ужасно нравился прищур его умных карих глаз. И густые черные волосы, в попытке пригладить которые лишилась своих зубов не одна расческа. И как он пересказывал ей то, что сам только что вычитал в какой-нибудь умной книге – авторитетно и убедительно, как по писанному, но вместе с тем так увлеченно, так страстно, что она сама невольно заражалась его мальчишеским азартом. И как то и дело повторял «Мамочка моя!» – темпераментно, как в

цветных итальянских фильмах, которые их не признающий полутон «Рекорд» делал черными. Но кое в чем, ей приходилось это признать, Тошка был несносен.

Вот и в тот раз, когда она едва не растянулась во весь рост, не сделав и десятка шагов в глубь пещеры, он хоть и пришел к ней на помощь, стиснув в нужный момент тонкие локти, но при этом не упустил возможности вставить колкое замечание.

– А под ноги не пробовала смотреть? Или ты думаешь, для тебя в скале ступеньки прорубили? Может, еще и свет электрический провели? Не-ет, – помотал головой, пока сквозь внешнюю язвительность не проклюнулось давно вынашиваемое восхищение, и продолжил глуховато-торжественным голосом: – Здесь все первозданное, дикое, неисследованное! Не исключено, что до нас с тобой тут вообще не ступала нога человека. Представляешь? Это же мамочка моя что такое! Ты только подумай, Аля, ни единого человека! Разве что лапа пещерного медведя или льва. Да ты не бойся, не бойся, они все еще в плейстоцене вымерли. А пещерный лев вообще только по названию пещерный, жил-то он по большей части на равнинах и в предгорьях. Но по сторонам на всякий случай посматривай. – Тонкие губы изобразили зловещую усмешку. – Ведь, как известно, обитатели пещер в большинстве своем характеризуются слепотой, депигментацией и гигантизмом.

В его карих глазах с искорками отразилось ее лицо – бледное, не на шутку встревоженное. Затем в них промелькнуло удовлетворение, и Аля без труда догадалась о его причине. Конечно, теперь она наверняка воздержится от самостоятельных вылазок во время привала, не отстанет и не рискнет углубляться в боковые проходы, а будет внимательно следить, чтобы впереди, на расстоянии оклика всегда маячила надежная спина мужа. Похоже, именно этого и добивался Антон, пугая наивную женщину львами и медведями. Он улыбнулся и звучно щелкнул ее по прикрытому каской затылку.

– Эх ты, трусишка!

Сработал выключатель, и широкий луч фонарика осветил худое строгое лицо в ореоле трехдневной щетины: Антон принципиально не брился НА ВЫЕЗДЕ, считая, что именно борода превращает обычного мужчину в бесстрашного покорителя природы. Он зажмурился на свет и отвернулся. Включил собственный, как он его называл, налобник и уверенно пошел первым, раздвигая сумрак лучом, внимательно поглядывая под ноги и по сторонам. Первые сотни метров пути обещали быть легкой прогулкой. Пол более-менее ровный, уклон небольшой – не пещера, а просто-таки аккуратная штольня! Страховка и прочие приспособления понадобятся позже.

Аля двинулась было за мужем, но замешкалась, оглянулась назад, к ярко очерченному силуэту входа в пещеру. Луч ее фонарика немедленно побледнел и растворился, окунувшись в толщу дневного света. Там, снаружи, осталась неподвижная изнуряющая жара казахстанской степи. Здесь, внутри, было заметно прохладней, но тоже пока сухо. Тошка обещал, что со временем влажность возрастет, но для этого надо спуститься вниз не на один десяток метров. Аля облизала сухие губы и еще немного побалансировала на границе света и тени. Двигаться дальше не хотелось. Изнутри пещера напоминала пасть великана, готовую проглотить все, что пошлет ей провидение.

– Антош, – позвала Аля, обнаружив, что осталась одна. Звук шагов мужа доносился откуда-то издалека, еще немного – и он совсем растворится в гулкой, обволакивающей тишине пещеры. Луч фонарика заметался по провалам и выступам черных стен, повторяя движения Алиной головы. Антона не было видно, то ли свернул куда-нибудь, то ли попросту не хватало мощности фонарика.

– Анто-он! – позвала она снова, значительно громче, и неуверенно двинулась в глубь пещеры, на этот раз не забыв сперва посмотреть под ноги.

Из того, что муж рассказал о здешних обитателях, Алю больше всего напугали не слепота и даже не гигантизм, а трудное в написании слово «депигментация». Она, учительница

младших классов, и то не была уверена, что не наделает в нем орфографических ошибок. К тому же, незнакомое слово казалось зловещим. Со слепым гигантом Аля бы еще как-нибудь справилась, но с депигментированным... Нет уж, лучше не пробовать!

– Анто-ош! – хрипло позвала она в предпоследний раз. И снова, изо всех сил: – Анто-ошка-а-а-а!!! – и закашлялась в конце. Разбуженное криком эхо еще некоторое время бродило по ходам и лазам, недовольно о чем-то бурча.

Все, на сегодня хватит.

Она всегда звала его ровно семь раз. По числу ответвлений Семикрестка, включая то, что засыпано обвалом, и то, из которого она только что приползла и откуда ее Антошка уж точно не появится. Звала, потом ждала, жадно ловя ухом каждый далекий шорох, каждый намек на звук, но улавливала только неровный стук собственного сердца и громкий шелест стесненного дыхания. Она все еще надеялась – непонятно на что, но с каждым днем все слабее.

Как всегда не дождавшись ответа, Аля отцепила фонарик, до этого болтавшийся на поясе рядом с пустой фляжкой, зажмурилась и повернула колпачок на рукоятке против часовой стрелки до щелчка. Она сразу же прикрутила колпачок в обратную сторону: импортный фонарик позволял плавно регулировать яркость, но все равно вспыхнувший посреди вековой тьмы лучик света успел проникнуть сквозь сомкнутые ресницы, заглянуть под веки – прямо в глаза, отвыкшие от такого бесцеремонного обращения. Теперь, Аля точно это знала, первые несколько минут ей придется смотреть на окружающее сквозь двойную призму из собственных слез и плавающих перед глазами светящихся кругов.

Строго говоря, тут не на что было смотреть. Аля и без света помнила наизусть интерьер пещеры и все равно всякий раз, добравшись до Семикрестка, зажигала фонарик, ощущая, как с каждой секундой по капле вытекает энергия из драгоценных батареек, и водила бледным лучиком по сторонам. Наверное, в глубине души она надеялась, что Тошка окажется здесь, что он все-таки вернулся, нашел дорогу назад и каким-то чудом дополз, а теперь лежит где-то рядом, возможно, на расстоянии вытянутой руки, без сознания или просто слишком слабый, чтобы откликнуться на ее зов. Слишком слабый, чтобы хотя бы прошептать.

Но его никогда не оказывалось рядом. Только невидимый свод пещеры, до которого не добивал экономный пучок света, да гладкость ноздреватых серых стен, пробуждающая воспоминания об уютном кирпичике пемзы, лежащем на краю ванны, да пугающая и одновременно манящая темнота расходящихся тоннелей.

Семь путей начинались здесь. Семь путей разбегались отсюда в разные стороны. Из этой проходной пещеры размерами чуть меньше школьной столовой или спортзала, но значительно больше учительской, где еще пару месяцев назад Аля пила чай и делила нехитрое угощение вроде домашнего «курабье» и конфет со своими коллегами.

Если отбросить направление, ведущее от Семикрестка назад к Лежбищу, а также рудиментарный огрызок заваленного хода, то путей оставалось всего пять. Как пальцев на руке. Аля так и заучивала их – по названиям пальцев, и до сих пор пользовалась этими названиями, хотя давно уже знала все здешние ходы-переходы как... как, собственно, и положено знать свои пять пальцев. Например, самый правый ход, то есть мизинец, вел к Поилке, безымянный палец – прямоком в Колонный Зал, средний и большой пальцы закольцовывались на манер принятого среди иностранцев жеста «ОК», что значит, «все хорошо», а вот указательный – и с ним было далеко не все хорошо – в конце концов выводил к Обрыву.

Посветив по очереди в каждый из тоннелей, словно детский врач со смешным зеркальцем на лбу, который последовательно заглядывает в уши, ноздри и горло малыша, Аля выключила фонарик. И через полминуты включила снова, поярче: ей показалось, что в проходе безымянного пальца в районе первой фаланги взгляд наткнулся на что-то непривычное. Что-то, чего она не замечала там прежде, сильно напоминающее силуэт прислонившегося к стене сидящего человека. Аля устремила в ту сторону луч фонарика и взгляд своих слезящихся, сильно сощу-

ренных глаз, и сама устремилась следом, не замечая того, сделав три или четыре ползка, слава Богу, безболезненных... И только здесь остановилась, не удержав в груди горький вздох разочарования. Всего лишь неровность в скале. Неуклюжий выступ в изгибающейся стене высотой в половину человеческого роста, кстати сказать, не в первый раз сыгравший с ней эту злую шутку.

Злясь на себя, Аля щелкнула колпачком на рукоятке фонарика, закрутив его по часовой стрелке до упора. Подождала минуту, успокаиваясь и... щелкнула снова. А вдруг там, за выступом... – мелькнула несмелая догадка. Слишком несмелая, чтобы оформиться до конца.

Но нет, конечно же, никого там не было. Только скала, гладкая и пористая, как щека великана, увиденная глазами Свифтовского Гулливера, и выступ в ее основании, похожий на огромный уродливый нос. Все остальное – коварная игра света, тени и болезненного воображения.

На этот раз Аля не только отключила фонарик, но и прицепила его к поясу, подальше от соблазна. И все равно долго еще не могла заставить себя отвести взгляд, уже не видящий, от входа в тоннель безымянного пальца.

Ей нужно было не туда, а в соседний, иначе говоря, в мизинец, причем не мешкая. Жажда уже высушила губы, а кончик языка воспалился от постоянного облизывания, так что эти шестьдесят три ползка с двумя поворотами и долгой остановкой в конце ей следовало сделать как можно быстрее.

Но что-то как будто принуждало ее застыть в этой напряженной позе и снова и снова вглядываться в черноту в том месте, где меркнувший луч фонарика высветил напоследок овальную арку входа, и злополучный выступ справа, и спешащие друг навстречу другу стены. Что-то влекло ее туда, в тоннель безымянного пальца. Того самого, на котором замужним женщинам полагается носить обручальное кольцо. Вспомнив об этом, Аля непроизвольно сжала правую ладонь в кулак. Медленно разжала. Свое она оставила дома, чтобы не потерять и уберечь от царапин. Да и пальцы в последнее время стали какие-то неуклюжие, распухли как сосиски, без мыла уже и кольцо не наденешь. А мыло под землей – большая роскошь, в модуль жизнеобеспечения не вписывающаяся, так Тошка сказал. А еще он сказал: «Кстати, ты в курсе, что первое мыло древние индийцы получили случайно, когда сплавляли вниз по Гангу тела своих кремнированных родичей?»

Это воспоминание подействовало на Алю, как порция свежей соли на старую рану. Если и не взбодрило (взбодрить ее сейчас смогла бы разве что ванна, полная белоснежной пены и горячей воды, ванная, над которой поверх осточертевшей стиральной доски возвышался бы поднос с парой яблок, кружкой молока и бутербродом из половинки трехкопеечной булочки с маслом и сыром; о большем Аля и не мечтала) то по крайней мере вывело из прострации. Не время витать в облаках, раздраженно одернула себя Аля, время ползти. Что бы ни говорил по этому поводу А.М. Горький.

Поэтому она поползла, решительно, даже зло, но в то же время экономя силы, четко просчитывая каждое движение. И на этот раз, проползая мимо, даже не обернулась в сторону тоннеля, ведущего в Колонный Зал. В то место, где ей в последний раз было хорошо. Им обоим было...

В тот день – вполне возможно, что где-то там наверху, в сотнях метров над их головами, в безлюдном царстве ковыля и саксаула как раз стояла глубокая ночь, но поскольку оба они не спали, для них это был как бы день – так вот, в тот день они оказались здесь случайно. Можно сказать чудом. Тогда Семикресток еще представлял собой действительно СЕМИкресток, и они успели уже изучить большинство исходящих из него путей. И тот, что вел к озеру-колодцу, в котором Тошка искупался, несмотря на ледяную воду, а потом полночи изводил Алю монотонной зубовой дробью и каждые сорок минут дрожащим голосом просил коньяка. И тот, что заканчивался обрывом, до дна которого они не досветили фонариком, не докрича-

лись через сложенные рупором ладони, а брошенный вниз камешек отозвался гулким эхом только на счет «И-и-и шесть!» И совсем короткий, упирающийся в уютный сухой тупичок, в котором они провели две ночи и окрестили Лежбищем. И, наоборот, длинный и довольно трудный путь, по которому они пробирались часов семь, стараясь не думать о том, как будут возвращаться, а в итоге неожиданно для себя снова оказались на перекрестке семи дорог. Слава тебе, Боженька, на том же самом. Тошке, правда, все равно пришлось вернуться на следующий день, нырнуть в ответвление большого пальца и спустя без малого треть суток вынырнуть из среднего – чтобы отмотать веревку, которой они накануне отмечали пройденный путь. А Аля все это время ждала его в Лежбище, свив себе настоящее гнездо из двух спальников, закутавшись в них с головой и в слепящем свете налобника мечтая так же, с головой, уйти в Любимую Книгу, чтобы не чувствовать полного – на многие километры в любую сторону – одиночества и не вздрагивать каждый раз при звуке далекой капли, падающей с высокого потолка в огромное черное блюдо Поилки. А еще – не думать о том, что это Лежбище, эта уютная пещерка-альков неподалеку от водоема, в центре которой Аля соорудила свое гнездышко, вполне вероятно, раньше служила берлогой какому-нибудь доисторическому пещерному медведю... или даже льву, который, в отличие от своих соплеменников, не пожелал селиться на равнинах или в предгорьях.

В результате к исходу дня Тошка вконец вымотался из-за дороги, а она – от страха и ожидания, и ни один из них на другое утро, мягко говоря, не горел желанием исследовать последнее, седьмое ответвление Семикрестка. Тоннель безымянного пальца или просто безымянный тоннель, как называла его Аля.

Но они все-таки решились. Собрали в кулак остатки воли, сложили в несерьезный Алин рюкзачок остатки скоропортящейся еды, и пошли. Отправились налегке, все лишнее оставили в Лежбище. Потом подумали, переглянулись, ослепив друг друга светом налобников, и оставили там же большую часть необходимого, включая специальное снаряжение для спуска и подъема по крутым склонам. «Если своим ходом не пройдем, значит, не судьба, вернемся», – пообещал Тошка и Аля с радостью его поддержала. Только предложила взять с собой хотя бы один спальник, на случай привала.

И стоило ради этого так долго готовиться? – с сарказмом, к которому примешивалась большая доля облегчения, думала она пять минут спустя. Их вылазка грозила закончиться, едва начавшись. Уже через сорок метров просторный тоннель стал ходом, теперь Аля могла одновременно коснуться обеих его стенок, просто разведя руки в стороны. Спустя короткое время для этого стало достаточно развести в стороны локти.

Когда ход сузился настолько, что через него приходилось уже буквально протискиваться, Аля попыталась было высказаться за возвращение, но прикусила язык. Ее остановила мысль о том, что весь этот поход, а в особенности сегодняшняя вылазка, возможно, станет последним ее безрассудным поступком на ближайшие несколько лет. Да-да, несколько лет принудительной рассудительности, жизни по режиму и строгого ограничения в питании. Поэтому, когда ход в свою очередь на глазах превратился в лаз, Аля не стала возмущаться, а просто опустила на четвереньки и целеустремленно поползла следом за Тошкой. Что бы ни ожидало ее впереди, унылый тупик или забытая сокровищница древних царей, она собиралась насладиться своим последним приключением сполна.

Скорее все-таки тупик, разочарованно подумала Аля, когда ее каска второй раз чиркнула по низко опустившемуся потолку.

– Еще метров десять, ну, пятнадцать – и разворачиваемся, – решил Антон.

– Хорошо, – согласилась она и на всякий случай чуть приотстала. В тесном лазе и так было уже не развернуться двоим.

Вскоре впереди послышалось сопение. Тошка сопел громче, чем обычно по утрам, размахивая гантелями перед зеркалом.

– Что там? – окликнула Аля. Со своего положения она могла видеть только ноги Антона в черных непромокаемых сапогах. Сапоги ерзали вперед-назад, совершая быстрые движения без какой-либо системы и видимого смысла.

– Сейчас... Погоди... – донеслось до нее с некоторым опозданием и как-то глухо, словно Тошка засунул голову в аквариум или разговаривал с ней из другого помещения.

«А что, если он застрянет в этой кротовой норе? – испугалась Аля. Как же я вытащу его обратно? За ноги?»

Но вот исчезли и они. Только черный кружок сузившейся до предела горловины тоннеля. Свет налобника просто тонул в черноте, ничего не высвечивая.

– То-ош? Ты где? – опасливо позвала Аля.

Долгое время никто не отвечал. Потом в черном кружке показалось Тошкино лицо, его горящие, широко распахнутые глаза и сбившаяся набок каска.

– Алька! Немедленно ползи сюда! – Вслед за головой в тоннель просунулась рука, закрутилась нетерпеливым пропеллером в зовущем жесте. – Ты не представляешь!.. – произнес Тошка возбужденно и почему-то громким шепотом.

Заинтригованная, Аля поспешила вперед по сужающемуся раструбу лаза. «А если застряну я?» – мелькнула запоздало паническая мысль. Однако она не застряла. Тошка не позволил, аккуратно принял на той стороне, помог подняться на ноги.

Да, здесь было достаточно просторно, чтобы выпрямиться в полный рост. А еще здесь можно было танцевать, а также бегать и прыгать в высоту... с шестом. Аля запрокинула голову, пытаясь хотя бы приблизительно оценить размеры помещения, в котором оказалась, и, видимо, именно от этого движения сам собой вдруг раскрылся ее рот. Ужас, как неприлично!

Она бросила быстрый взгляд на мужа – он смотрел на нее с хитрой довольной улыбкой, – не найдя слов, покачала головой и снова медленно закружилась на месте, осматриваясь.

Конусы света от их налобников пронизывали темноту, перекрещивались, возбужденно плясали на поверхностях смутно угадываемых предметов, совсем как лучи прожекторов в заставке «Мосфильма». Того и гляди выхватят из окружающей тьмы какую-нибудь циклопических размеров статую. А что, Аля бы совсем не удивилась. Конечно, не работа скульптора Мухиной, но какой-нибудь застывший сказочный великан замечательно вписался бы в интерьер пещеры. Не учительская, и даже не спортивный зал – огромная зала, которой место разве только в сказке или в средневековом замке. В заброшенном замке, чьи обитатели куда-то ушли... или уснули...

Аля глубоко вдохнула – воздух пах влагой и простором – и сказала только:

– Мапочка моя!

Или это сказал Тошка а она с ним лишь безоговорочно согласилась? Ах, не ищите последовательности в словах и поступках восхищенной женщины!

– Нравится? – тихо спросил Антон и она, плотно сжав губы, несколько раз кивнула. – Пойдем!

Он взял ее за руку, и они пошли прочь от высоченной, немного нависающей над их головами стены к центру пещеры. Впрочем, тут все такое огромное, подумала Аля, что сразу и не разберешь, где он, центр.

Ей казалось, что она очутилась в каком-то музее. Забралась в червоточину безымянного тоннеля, сузившегося в конце до размеров слухового окошка, и выбралась наружу где-то в запасниках Эрмитажа... или даже Лувра. Мысль об этом вызвала у нее короткий и приятный приступ головокружения. Или она просто слишком энергично крутила шей, стараясь увидеть сразу все и жалея только об одном: почему все-таки никто не догадался провести сюда электрический свет? Но, милый Боженька, как же все сверкает!

И Тошка шел рядом, светил фонариком как указкой и рассказывал обо всем, что она видела, не хуже музейного гида. Она слушала вполуха, иногда рассеянно повторяла что-то

совсем уж непонятное. Сталактиты, сталагмиты... Господи, да какая разница, когда кругом такая красота! Ах, оказывается, разница в том, что одни свисают с потолка, как сосульки, а другие как бы произрастают из земли? Надо же... А они хрустальные? А вот это как называется? Ну, когда от пола и до самого потолка, как колонна? Сталагнат? Ох, совсем запутал бедную девочку... Или дразнишься? А, признавайся! Нет? А вот эта – почему такая? Ну, вроде как мутная.

Хрустальная бахрома свисала с потолка, хрустальная трава поднималась ей навстречу с каменного пола, хрустальные сосульки, разделенные высотой пещеры, тянулись друг к другу и иногда дотягивались, чтобы слиться в подобие хрустальной колонны. Колонны нравились Але больше всего. И они не стали нравиться ей меньше даже после того, как Тошка – счастливый тем, что у него наконец-то появился повод выплеснуть на нее целый ушат почерпнутых из умных книжек знаний, – объяснил, что на самом деле колонны состоят не из хрусталя, а... Впрочем, она тут же забыла название. И мутные среди них попадают, из-за взвеси карбоната кальция. По той же причине возникает осадок, – видишь белесый налет? – во всех этих лужичках у нас под ногами. Воду в них еще называют горным молоком. Что? Пить? Конечно можно. Она, правда, едва ли приятная на вкус, но совсем не вредная. А зубы от кальция становятся только крепче.

Но Аля не стала пробовать воду. Боялась разочароваться из-за пустяка и этим смазать все впечатление от удивительной экскурсии.

До чего же они разные! – восхищалась она, шагая между колонн, проводя ладонью по их гладким влажным бокам. Есть искривленные и безукоризненно прямые, в обхват рук и совсем изящные, сросшиеся недавно и оттого напоминающие приталенный силуэт песочных часов и те, которым до срастания осталась сущая малость – каких-нибудь десять сантиметров. Разве не чудо?

Аля заглянула к себе в душу и увидела, что абсолютно счастлива. И от собственных ощущений, и от того, что Тошка доволен, как монах-отшельник, на огонек к которому заглянул долгожданный слушатель. И она готова была слушать мужа сколько угодно, пока у него не устанет язык или не иссякнет поток заботливо собранной информации, кивать ему, когда по нему видно, что он ожидает кивка, задавать уточняющие вопросы.

– Скажи, а вот этот... Ну, как ты там говорил...

Но Тошки уже нет рядом. Он неожиданно сорвался и убежал куда-то в сторону, мимоходом тронув ее за локоть и пообещав:

– Я сейчас.

Потом вернулся, вертя в пальцах какой-то камешек размером с куриное яйцо.

– Что это? – как ребенок при виде новой игрушки оживилась Аля. Еще немного, казалось ей, и она просто лопнет от восторга. – Что-нибудь драгоценное?

– Наполовину, – кивнул Антон. – Это оникс, полудрагоценный камень. Причем, обрати внимание, он не серый, не розовый и даже не зеленый, а черный. То есть, перед нами собственно оникс или, иначе говоря, агатовый. Держи!

Аля взяла на ладошку тяжеленький бесформенный камешек и послушно изобразила понимание. Хотя, если честно, тусклость камня и его черный в серую полосочку цвет, фактурой напоминающий хозяйственное мыло, не сильно ее впечатлили. Она бы скорее предпочла, чтобы он оказался розовым. Или зеленым. И хотя бы немножечко отполированным.

– И что это означает? – спросила она, не зная, что дальше делать с камнем.

– А это означает, разлюбезная моя супруга, что мы с тобой забрались черт знает как глубоко. Черные слои оникса залегают глубже всех остальных. Так что над нами сейчас, – Тошка задрал голову и прищурился, будто бы пытаясь взглядом пронзить многотонную толщу гранита и определить на глазок расстояние до поверхности, – не одна сотня метров карстовых пород.

Аля посмотрела вверх, на далекий свод пещеры и зажмурилась. Ее качнуло. Все эти метры, тонны и карстовые породы внезапно навалились на нее, надавили на плечи и грудь так, что потемнело в глазах.

Это продолжалось всего пару секунд, но Тошка заметил.

– Что с тобой? – озабоченно спросил он, крепкими ладонями сжав ее плечи.

– Ничего. Голова закружилась. Уже ничего.

Он все равно настоял, чтобы она присела, выбрал место посуше, расстелил спальник, усадил. Аля села, опершись спиной о твердую гладкость какого-то стала... Как же его? И почему они все так похоже называются? Сталагната, что ли?

Антон опустил на корточки перед ней, заглянул в глаза, совсем как доктор, только вместо зеркальца на лбу – мощный фонарик, и, кажется, остался доволен увиденным. Снисходительно дернул за нос. «Ох уж эти мне ваши женские штучки!» – прочла Аля в его взгляде.

А он сел рядом, неловко обхватив руками за плечи. Сидеть так было не очень удобно, но Аля ничем не выразила недовольства. Заботится, значит волнуется, значит любит. «Чего же тебе еще, подруга?» – спросила себя Аля и задумалась над ответом.

– Красота-то какая, а, Аль? – сказал Тошка, и луч его фонарика прочертил широкую дугу в темноте. – Красотища! Пусть Снежная – самая глубокая, а Оптимистическая – самая длинная, но разве в них ты найдешь такую красоту? Да что там, даже Урултаю с его хрустальным залом до дешеских красот мамочка моя как далеко! И все это – только для нас с тобой, представляешь?

Ничего не зная об Урултае, Аля осторожно спросила:

– А почему тут никого, кроме нас, нет?

– Так не знает никто, – пожал плечами Тошка. – Или бояться. Тут же полигон... Помнишь, я тебе показывал: забор, колючку... Да и до поселка ближайшего – полдня пыль топтать. А если дождь, то и за день не доберешься. Это нам с тобой повезло с попуткой. Да и вообще... Ты хоть чувствуешь, как нам с тобой повезло?

Аля чувствовала. Потому-то и ответила на собственный вопрос, пусть с опозданием: «Ничего. Ничего больше не надо. Все, что нужно, у меня уже есть».

Тошка решительно поднялся, точно от избытка чувств не мог долго сидеть на одном месте, протянул ей руку.

– Ну, отдохнула? Идем!

И они долго еще бродили между колонн, где-то спокойно, взявшись за руки, где-то – цепляясь друг за дружку и потешно скользя, не считая времени и не экономя на восторженных междометиях, пока Тошка не остановился со словами:

– Вот здесь, пожалуй, и обоснуемся. А? Чем не праздничный стол?

В одном из углов пещеры, которая все-таки оказалась не безграничной, посреди сталагмитовой рощи образовалась небольшая полянка. В центре ее из гладкого слюдяного пола поднимался пологий холм, похожий на спину не до конца закопанного мамонта. Он был невысоким, по пояс взрослому человеку и очень гладким, словно вылизанным временем.

– Есть хочешь? – с усмешкой спросил Тошка.

Она громко демонстративно сглотнула. Еще как!

– Но сначала предлагаю накатить по чуть-чуть. – Он отвинтил колпачок фляжки, глянул на жену немного смущенно. – Для аппетита.

Аля, как водится, поломалась для вида – но недолго: ломаться долго в таком чудесном месте было просто невозможно – и, озорно блеснув глазами, позволила Тошке уговорить себя.

– Ну, разве что для аппетита.

– Да, для аппетита, – радостно подтвердил Антон. – Давай за то, что мы в конце концов оказались здесь.

Аля взяла протянутую рюмку, вернее сказать, выкрашенный зеленой краской алюминиевый колпачок, проглотила залпом пахучий коньяк и даже не поморщилась. Только непрошенная слезинка одиноко скатилась по левой щеке.

– За то, что мы здесь оказались, – выдохнула она.

– Да, – кивнул Тошка и отхлебнул прямо из фляжки. – А теперь давай, угощайся. Налетай, пока горячее.

Это была шутка: примус вместе с остатками надоевших консервов и круп оставили в Лежбище. С собой взяли только «свежатинку», никаких консервантов, если не считать обрубка сервелатной волшебной палочки по 9.80 за кило. Только мятый картофель в намертво въевшемся мундире, мягкие огурцы, вялые веточки кинзы и петрушки, лук, некогда зеленый, а теперь пожелтевший; с особым подозрением ели яйца. Но ничего, вроде бы обошлось без жертв. Нашлось даже молоко в литровом пакете-пирамидке. Купленный в местном магазине, где он проходил по прейскуранту под забавным названием «кумыс говяжий». Пакет сперва затерялся где-то среди прочих припасов, а этим утром неожиданно обнаружился. Конечно, за неделю пребывания под землей молоко успело превратиться в простоквашу, но и простокваша очень даже пришлась ко столу.

– Налегай, налегай на колбасу, – командовал заботливый Тошка, скармливая ей горбушку черного хлеба с кружочками сервелата. – Все равно завтра домой, не обратно же тащить.

– Да? А если я объемся и в лаз не пролезу? – сопротивлялась Аля. – Если застряну в стене, как Винни-Пух?

– Ничего, не застрянешь. Мы тут, наверное, задержимся. Переночуем, а завтра с утра уже двинемся. Ты не против?

Нет, она была не против.

Оставшийся после пиршества мелкий мусор аккуратно завернули в целлофан и убрали обратно в рюкзачок. Мусорить в Колонном Зале казалось кощунством.

Кстати, именно тогда пещера получила свое название. В тот день они исходили ее вдоль и поперек, все, что смогли, увидели, все, до чего дотянулись, потрогали и постарались запомнить. Тошка раз пятнадцать обругал себя за то, что не взял в поездку свой «Зенит». «Кто же знал, – однообразно сетовал он. – Кто знал...» Впрочем, вспышки к фотоаппарату у него все равно не было.

В конце концов их путь завершился у знакомого холма.

– Давай устраиваться, – сказал Тошка и стал деловито разворачивать спальный мешок. – Завтра тяжелый день. Пока наверх выберемся, пока до поселка доплетемся, а потом еще на вокзал... Ох-ох-ооох! – Он зевнул.

– Мы что, будем спать здесь? – удивилась Аля. – На столе?

– Это не стол, а подходящий элемент ландшафта. Сухой и более-менее ровный. А что тебя смущает?

– Да... ничего. – Аля неопределенно помотала головой. Никаких аргументов против вроде бы не приходило на ум. – Просто странно.

– Ничего странного. Давай уже, ложись, – сказал Тошка, помог Але снять каску и выключил налобник. – Я тоже, сейчас...

Примус остался далеко, по ту сторону безымянного тоннеля, поэтому когда в темноте послышался тихий перестук спичек в коробке, Аля подумала, что Антон собирается сжечь перед сном таблетку сухого горючего, как уже пару раз делал в Лежбище. Конечно, для того, чтобы действительно прогреть огромную пещеру таких таблеток понадобилось бы, наверное, миллион, но, как правило, хватало и легкого запаха дыма, чтобы почувствовать, как теплеет вокруг. Психологически теплеет. Однако Тошка удивил ее: вместо круглой таблетки достал откуда-то настоящую свечу. Оказывается, в своей потрясающей предусмотрительности, он догадался захватить и ее. Лежа на спине, Аля заворуженно наблюдала, как свеча медленно про-

плывает над ней, склоняется над обломком черного оникса, чтобы пролить над ним несколько парафиновых слез, а потом сама утверждаетсся сверху. Только теперь Аля обратила внимание, что этот невзрачный камешек непонятной формы идеально годится на роль подсвечника. Сразу стало психологически тепло и так... романтично.

В ту ночь они с грехом пополам забрались в один спальник. В последний раз.

Потом Тошка заснул, только часто ворочался, пытаясь отыскать удобную позу, и периодически всхрапывал, когда сделать это не удавалось. Ему было не слишком комфортно на твердом ложе и в непривычной тесноте. А Аля долго еще лежала с закрытыми глазами, перебирая в уме большие и маленькие радости прожитого дня.

В этой пещере, казалось ей, обязательно должны обитать гномы. Или какие-нибудь еще сказочные персонажи, но обязательно добрые. Среди них она чувствовала себя Белоснежкой.

О том, что у сказки не всегда бывает счастливый конец, Аля не думала. И вообще, ни одна тревожная мысль не посетила ее за весь этот день, ни единое дурное предчувствие.

В частности, ей не приходило в голову, что минеральные образования, украшающие стены и пол пещеры сильно смахивают на зубы. Гигантские и очень крепкие, потому что за тысячи лет непрерывного роста они ни разу не испытывали недостатка в кальции. Ее также не озаботил тот факт, что холм, на вершине которого она лежала рядом с мужем, больше, чем на спину закопанного мамонта, походил на алтарь. А ведь, как, без сомнения, объяснил бы Тошка, если бы Але удалось его растолкать, первоначально алтарь представлял собой не что иное как жертвенник. То есть место для ритуальных жертвоприношений. Наконец, она так и не смогла сообразить, что же так насторожило ее в Тошкином предложении улечься спать на месте недавнего пиршества. Между тем причина ее настороженности была весомой и очевидной. Суть в том, что люди, как правило, не имеют привычки лежать на столе. По крайней мере живые люди.

Но ни о чем таком Аля, разумеется, не думала. Она ощущала лишь приятную усталость и покой. Слушала капель с потолка и, чтобы все-таки заснуть и завтра не клевать носом всю долгую дорогу до вокзала, считала про себя невидимые мутноватые капли.

Кап... Кап... Кап...

Теперь она считала тройками. Шестьдесят три замечательно делится на три, без остатка, и Аля загибала палец – либо отгибала, если загибать становилось нечего – уже не всякий раз, когда подтягивала к себе правую ногу, а только после трех подтягиваний. Так было легче считать. Ползок, другой, третий – загнуть палец и полежать немного, переводя дыхание. Двадцать одна остановка – и привал. Вернее сказать, водопой.

Строго говоря, она могла бы обойтись без счета вообще, на всем участке пути от Семикрестка до Поилки нет никаких посторонних ответвлений, куда она могла бы по ошибке свернуть, а само озерцо-колодец чувствуешь издали, но она все-таки считала. По привычке и потому, что счет помогал ей, если можно так выразиться, скоротать время в пути.

Длинные вязаные перчатки со срезами на кончиках пальцев, предохранявшие ладони и запястья от порезов и ссадин, Аля давно потеряла. Сняла для какой-то надобности, а потом забыла надеть. Или это сработала подсознательная брезгливость? Ну и пусть. Все равно пользы от двух размочаленных, не поддающихся стирке тряпочек – чуть. А вот комбинезон действительно, не только по названию, но и на деле оказался защитным. Хотя и в определенных пределах. К примеру, оба рукава на предплечьях и брючина в районе здорового колена от постоянных вылазок истончились и грозили вскорости протереться до дыр. Но пока что все было терпимо. Да, относительно терпимо.

Аля крепче закусила конец веревки, который не переставала сжимать в зубах всю дорогу от Лежбища, чтобы не рассмеяться. На глубине двухсот с чем-то метров, рассудила она, посреди изгибающегося греческой буквой «кси» тоннеля, в крошечной темноте ее смех прозвучал бы несколько... несколько неуместно.

«Ну ты, подруга, совсем, – высказала она себе. – Еще немного – и куку! Начнешь разговаривать сама с собой».

И тут же огрызнулась в ответ:

«Да? А с кем еще?»

Действительно, с кем еще? Кроме нее, тут вроде бы нет никого из посторонних, а жаль. Она бы им, пожалуй, объяснила, чем ее так рассмешило словечко «относительно». О да! Она вообще могла бы много чего порассказать на эту тему.

Относительно? Ха! Все на свете относительно. Первым до этой простой мысли дошел Эйнштейн, правда, интуитивно, поскольку был теоретиком. Ему бы сюда, в пещеру, хотя бы на недельку. На практику, мрачно думала Аля. Уж она бы объяснила ему – на пальцах, что такое настоящая теория относительности. А то вот некоторые думают, что относительное – это все, что не безусловно. А что безусловно-то? Где оно, безусловное? Ну-ка, приведите примеры!

Вот, допустим, когда стертый локоть саднит, а под сломанный ноготь на мизинце камешек острый впился и так глубоко, гад, что без пинцета не достать, это как, противно? Угу, а вот и нет! На самом деле – дико приятно. Потому что синяк на локте и заноза под ногтем так занимают сознание, что можно за целый час ни разу не вспомнить, что у тебя четыре перелома голени, причем один из них – открытый.

Или взять зубную пасту. Например, болгарскую. Марки «Крест». По рубль сорок за тюбик. Вот она – зачем нужна? Скажете, зубы чистить? Как бы не так! Для чего их чистить, если два последних дня ничего не ел? Нет, с пастой надо по другому. Нужно сперва выдавить на дно кружки примерно четверть тюбика, растолочь двумя столовыми ложками и высыпать туда же последнюю таблетку «аскорбинки» из аптечки, залить все водой и размешать. Потом поморщиться и выпить. А что? Если бы в пасте было что-нибудь вредное для здоровья, ее бы стоматологи детям не рекомендовали. А так выпил кружечку – и на полдня ни о какой еде думать не можешь, настолько питательным вышло блюдо. А уж каким свежим после него становится дыхание...

Так что все на свете относительно, все. То, что в обычной жизни кажется чем-то бесспорным, при определенных условиях выворачивается наизнанку и становится своей противоположностью. Подвиг оборачивается подлостью, от верности остается ревность, а предательство... Да, пожалуй только предательство останется собой, как ты его не крути. Что же до всего остального...

Взять хотя бы ту ночь в Колонном Зале. Когда она лежала посреди пещеры в окружении хрустальных колонн – ни дать ни взять спящая красавица, разве что сна не было ни в одном глазу – и жалела о том, что сказка так скоро сказывается, еще чуть-чуть и конец. И не будет больше этой красоты, и Тошка, весь день счастливый и по-особенному нежный, снова станет серьезным и подтянуто деловым: через неделю у него заканчивается отпуск. Как же ей не хотелось отсюда уходить...

И ведь не ушла в итоге.

Той ночью ей казалось, что минувший день запомнится на всю жизнь, волшебный день, сказочный. А прошло всего ничего – и все ее детские восторги поблекли как цветастый платок после тридцати стирок, а вспоминается чаще всего не сталагмитовая роща и не свеча на подставке из оникса, а тот эпизод, когда она запихивала в себя сухую горбушку с жирными кружочками сервелата. Чуть не давилась, а запихивала. Не выбрасывать же...

Или, не ходя далеко, взять вот этот самый момент, который сейчас. Пять минут назад вроде бы изнемогала от голода и жажды, из сил выбивалась, а вот поди ж ты – разошлась, развела философию на ровном месте, так что и про ногу забыла, и про усталость, поползла с ветерком, как здоровая. Впрочем, здоровая бы, наверное, пошла... А может, это близость воды придает Але сил?

Она еще раз хихикнула в темноте. На этот раз – не сдерживаясь.

Зигзаг тоннеля подошел к концу, за размышлениями Аля не заметила, как миновала последний поворот, тем не менее пальцы ее продолжали машинально отмерять пройденное расстояние. Ладони стали кулаками, кулаки – снова ладонями, осталось только загнуть последний палец – и она у цели. Звон капли, при полном отсутствии прочих звуков разносящийся поразительно далеко, здесь становился громким и отчетливым. А еще он становился приятным. Поток воды с потолка не был водопадом. Отдельные капли падали слишком редко и независимо друг от друга. Только кое-где они собирались в короткие струйки, ленивые и неторопливые капли поджидали отстающих, чтобы потом всем вместе ударится о водную гладь с характерным «Пл-л-л-лимк!» Так красиво! Первые дни после выхода к Семикрестку Аля могла слушать мелодию капель часами.

Но она не была готова слушать ее неделями! Каждую минуту! Даже в Лежище, на расстоянии ста с лишним загнутых пальцев отсюда, измотанная вылазкой, истерзанная болью и безрадостными мыслями Аля иногда подолгу не могла заснуть. Звук льющейся воды или его иллюзия, результат самовнушения, слуховая галлюцинация – жаль, Тошки нет, он бы подсказал правильное название – просачивался каким-то образом через затычки в виде грязных пальцев, сквозь барабанные перепонки, прямо в мозг. Порой он преследовал Алю даже во сне.

Но иногда звону капли удавалось пробудить в ее душе хотя бы часть бывшего очарования. Обычно это случалось в моменты, предшествующие утолению жажды.

Поилка представляла собой идеально круглый водоем около пяти метров в диаметре. Просачивающаяся сквозь невидимые щели в коническом потолке вода заполняла естественную воронку с высокими белыми краями. Влажный, отполированный брызгами гипс блестел в свете фонарика как фаянс, отчего сама Поилка приобретала сходство с огромным блюдцем. Однако, воронка была достаточно глубокой – в своем отчаянном тридцатисекундном заплыве Тошка не смог достать дна – так что при ближайшем рассмотрении Поилка оказывалась не блюдцем, а скорее горловиной врытого в землю кувшина. Но все равно не верилось, что такое сооружение создано не руками человека, а самой природой, объединенными усилиями двух самых скоротечных стихий: времени и воды.

Спуск к водопою Аля давно научилась находить на ощупь, без ущерба для батареек. В одном месте вода, веками точившая камень, действовала особенно целенаправленно, край пятиметрового гипсового блюдца был здесь не то чтобы отколот – сточен, и это давало возможность приблизиться к самой кромке по пологому влажному скосу. Главное – вовремя остановить скольжение, чтобы не плюхнуться в воду, как тюлень. Аля остановилась вовремя, сделала упор на запястья и левое колено, вытянула шею и раскрыла губы так, словно собиралась поцеловать свое невидимое отражение.

Первый глоток был как ожог. Аля, покуда могла, грела воду во рту, гоняла от щеки к щеке, пока не онемели зубы и не окоченел язык, потом проглотила, и вода колко прошла вниз по горлу, как будто царапая изнутри мелкими льдинками. Второй глоток напоминал по вкусу березовый сок. Третий был сладок, как газировка с сиропом. Аля пила долго, мелкими глоточками, не торопясь. Жалела, что не может, как верблюд, напиться про запас или унести с собой больше воды, чем умещается в стандартную походную фляжку. Но жалела несильно, больше по привычке, и не то чтобы очень искренне. Канистру, даже если бы ее удалось отмыть от керосина, Аля все равно бы не дотащила до лагеря, равно как и котелок, проделать весь путь с полной кружкой в руке также было нереально, а никаких других подходящих емкостей в наличии не было. К тому же, если б не эти регулярные «прогулки по воду», Аля просто не представляла себе, чем еще она могла бы заполнить свой досуг.

Утолив первую жажду, она ополоснула ледяной водой лицо и шею. Потом долго, пока холод не пробрал до костей, мусолила друг о дружку заскорузлые ладони, оттирала вьевшуюся между пальцами грязь. Потом, чтобы хоть чуть-чуть высохнуть и согреться, с минуту энер-

гично сжимала и разжимала кулаки, словно повторяла перед строем гавриков привычное «мы писали, мы писали». Потом сполоснула и наполнила водой фляжку. Потом снова пила.

Обратная дорога всегда давалась труднее. Сказывалась накопившаяся усталость и то, что путь к Лежбищу по большей части шел в горку, пусть с едва заметным уклоном, но Але много и не требовалось. Отяжелевшая фляжка елозила по спине из стороны в сторону, свежоотмытые пальцы, как их не береги, быстро возвращали себе защитный покров из пыли и грязи, но это было не самым обидным. Хуже, что к концу пути Але выматывалась так, что готова была за один прием выпить всю воду, которую принесла с собой. Конечно, ничего подобного она себе не позволяла. Один колпачок максимум. Если совсем не вмоготу, то два. И еще один маленький глоточек из горлышка, только язычок смочить. Не больше.

Единственное преимущество обратного пути, своеобразное послабление с известной долей издевки заключалось в том, что по дороге к Лежбищу Але уже не нужно было загигать пальцы. Возвращалась она по собственным следам, то есть по веревке, которую теперь сматывала в моток, растягивая между ладонью и локтем правой руки. Моток, который Тошка так и не приучил ее называть бухтой. Местами веревка ухитрялась свиться петелькой или завязаться в узелок, тогда приходилось останавливаться и распутывать ее при помощи зубов и изломанных ногтей. И вообще ползти без счета получалось гораздо медленнее. По крайней мере так казалось. Может быть оттого, что теперь она двигалась не навстречу своей призрачной надежде, а от нее?

На смятое ложе из двух спальных мешков и каких-то заношенных до неразличимости тряпок Але упала в изнеможении. Вылазка на Семикресток, к Поилке и назад процентов на триста покрывала ее суточную потребность в движении. Она открутила колпачок и понюхала воду во фляжке. Нет, ни намека на коньяк. А жаль. Пары капель на двадцать грамм воды ей сейчас вполне хватило бы, чтобы забыться не рваным кошмаром, как обычно, а нормальным, желательно без сновидений, сном.

Почему-то не засыпалось. Рука сама потянулась к рюкзаку, из нарядной обложки быстро превратившемуся в грязную ободранную тряпку, ослабила тесемки, нырнула внутрь. Вот Любимая Книжка, пухлый, потрепанный том. Первые несколько ночей после ухода Тошки Але читала ее перед сном, чтобы успокоиться, при огарочке свечи, оплывшей до состояния аморфного обмылка, в котором она не замечала уже ничего романтического. Потом фитилек догорел до конца, но Але все равно иногда доставала книгу и перелистывала страницы в темноте, припоминая самые любимые, давно заученные эпизоды.

Но сегодня ей не хочется ничего припоминать, поэтому нераскрытая книга ложится в сторону, а рука зачем-то снова ныряет в горловину мешка, так уверенно, как будто лучше своей хозяйки знает, что делает. Интересно, что? Неужели ищет что-нибудь съедобное? Ха, это же бессмысленно! Последняя банка тушенки выскоблена еще три дня назад, так что и пятнышка жира не осталось на сизовой внутренней поверхности. Да и сам рюкзачок Але перетряхивала уже не раз и не два, даже выворачивала наизнанку – безрезультатно, ни горсточки риса не обнаружилось на пыльном дне, ни одинокого кофейного зернышка. Но, словно забыв об этом, ее рука зачем-то продолжает шарить внутри, настойчиво и деловито перетасовывая узнаваемые на ощупь предметы: зубная щетка в пластмассовом чехольчике, пустая мыльница, расческа, несколько мертвых батареек и снова зубная щетка – похоже, она шарит по кругу. А сухие напряженные губы почему-то повторяют без звука и без конца: «Боженька, пожалуйста...» Только «Боженька, пожалуйста...», больше ничего. Они не просят ничего конкретного, просто внимания, просто знать, что он есть, что помнит о ней, а значит, есть шанс, что все это когда-нибудь кончится. Зубная щетка, бесполезная без пасты, золотистые гробики батареек, расческа...

Действия, лишенные смысла. Почти как в тот раз, когда ей почудился запах бутерброда, доносящийся из тоннеля большого пальца. Отчетливейший запах сдобной булки и вареной

колбасы, это-то ее и смутило. Не подсохшей черной горбушки, прикрытой кружочками сервелата, чей запах оголодавший мозг мог извлечь из хранилища памяти – нет, из тоннеля определенно пахло небрежно отломленным куском булки, поверх которого уложен аккуратный кружок колбасы по три пятьдесят, не слишком тонкий, в самый раз. Она поползла за ним по тоннелю, забыв о веревке, о ноге, обо всем на свете, ползла не меньше четверти часа и чудом вернулась назад. Спасибо тебе, токсикоз!

Но на этот раз Але почему-то кажется, что все будет иначе. Все будет по-честному, без обмана и не закончится жесточайшим разочарованием. Расческа, мыльница – Аля даже встряхивает ее в руке, и некоторое время слушает тишину, несъедобные батарейки... Какой в ее действиях смысл? И... чего не хватает в списке личных вещей? Секундочку... а где нитки? Она ведь брала с собой нитки и даже один раз воспользовалась ими – в поезде, чтобы перешить пуговицу на ставших чересчур тесными брюках. Простейший наборчик: прямоугольник из твердого картона с несколькими засечками для ниток разных цветов плюс пара иголок, одна большая, другая поменьше. Разумеется, Аля не могла положить нитки и иголки вместе с прочими вещами, чтобы не уколоться. Она убрала их...

Пара батареек выпадает из разжавшейся ладони, и с легким звяканьем присоединяется к россыпи своих братьев-близнецов. То, что неосознанно ищет Аля, находится не здесь. Ее рука оставляет в покое основное отделение рюкзака и обращает внимание на откинутый клапан, вернее, на небольшой плоский кармашек с его внутренней стороны. Расстегивая две маленькие пуговички, удерживающие карман в закрытом состоянии, рука почти не дрожит. А когда мизинец все-таки натывается на острие одной из игл, Аля даже не вздрагивает. Ей плевать на укол, плевать на дорожный швейный набор – отнюдь не нитки семи разных расцветок интересуют ее. Картонка с нитками и иголками летит в сторону, а рука на глубину ладони погружается в кармашек – плоский, но не совсем плоский! – и почти мгновенно возвращается назад, сжимая в горсти бесценное сокровище.

Три упаковочки сахара, по два прямоугольных кусочка в каждой, с бегущим поездом на этикетке. Их принес проводник вагона, в котором Аля и Антон ехали на юг, наверное, уже больше месяца тому назад. Маленький улыбчивый старичок поставил на стол четыре стакана кипятку в гремящих подстаканниках, затем достал из кармана форменного кителя четыре пакетика с чаем и столько же пачечек сахара. Потом по-особенному улыбнулся, взглянув на Алю, на ее запавшие глаза и сложенные на животе руки, и добавил к продуктовой кучке пару вафель в красной обертке.

– Вам следует хорошо питаться, – заметил он, прежде чем покинуть купе. Милый старичок.

Когда затерянный в степи полустаночек вырос за окнами вагона на пятнадцать минут раньше расписания и Аля с Антоном, мигом стряхнувшие с себя душное оцепенение трехдневного пути, бросились распахивать по карманам неприбранную мелочевку – поезд здесь стоял всего три минуты, – Аля машинально сгребла со стола гостинцы, оставшиеся от последнего чаепития, и сунула в отделение для ниток. В тот момент она и представить себе не могла, насколько ей повезло в том, что Тошка всегда пил чай без сахара, а сама Аля, исключительно чтобы покапризничать, отказалась от вафли.

Вполне возможно, сегодня этот каприз спасет ей жизнь. Или только отсрочит неминуемое на два-три дня. Разве это имеет значение? Из всех существующих возможностей в данный момент Алю волновала только одна. А именно: запихнуть в рот все и сразу, вместе с оберточной бумагой и фольгой, а потом сидеть, перемалывая зубами восхитительное месиво и не замечая, как сладкая слюна скапливается в уголках глупейшей улыбки. Как же ей хотелось наброситься на нечаянное лакомство!

Но Аля устояла, справилась с первым порывом, решительно прогнав из головы образы волка, перегрызающего горло овце, и лисицы, спешащей куда-то с куриной тушкой в зубах,

и заменив их безобидной картинкой с ленивым котом, который лежит, разглаживая лапкой усы, и только краем глаза поглядывает, как мечется из угла в угол обреченная мышка. Его *гарантированная добыча*.

«Только один кусочек сахара! – разрешила себе Аля. – И не больше пятой части вафли! Ты поняла? Максимум четверть!»

Она положила на язык кусочек сахара – и буквально изошла слюной. Старалась только лизать, но сахар в поездах дальнего следования, кажется, специально делают таким, мягко говоря, не быстросрастворимым, чтобы хватило на подольше, так что Аля в конце концов поддалась соблазну, и вот захрустел, заскрипел на крепких зубах сахарный песочек. Затем она размочила водой окаменевшую вафлю, долго, до челюстных судорог, перемалывала во рту сладковатую кашицу, потом проглотила, захлебываясь слюной и благодарностью. «Спасибо тебе, Боженька. Теперь я точно знаю, что ты есть. – Не удержалась, правда, и от мягкого упрека. – Но почему же... Почему ты напоминаешь нам о себе так редко? И все равно... спасибо».

Все. А теперь – никаких движений хотя бы полчаса. Пусть жирок завяжется, подумала Аля и удовлетворенно хохотнула, так что эхо ее хрипловатого смеха отразилось от свода и вернулось к ней как напоминание о лучших временах.

Засыпала она сладко, безмятежно, лелея в душе надежду, что хотя бы в эту ночь ее покой не нарушат чудовища.

Глава вторая

Когда ты висишь вверх тормашками в абсолютной темноте где-то на полпути между землей и, строго говоря, тоже землей. Когда НАД ногами у тебя скальный выступ, ПОД головой, предположительно, тоже скальный выступ, а где-то за спиной, не дальше длины руки, сама скала, но нет возможности вытянуть руку, чтобы проверить. Когда за плечами у тебя рюкзак, в котором аккуратно сложены скальный молоток, и набор крюков с карабинами, и навесочный трос, и обвязка, и еще много чего для безопасного спуска, но в теперешней ситуации это всего лишь балласт, дополнительный груз, способствующий твоему наискорейшему падению. Наконец, когда в зубах у тебя зажата ручка фонарика, так что ни на помощь позвать – да и кого позовешь, когда звать некого? – ни хотя бы выматериться, как того требует душа. Да, в такие моменты невольно думаешь о многом.

В основном, конечно, под черепом бурлит и мечется всяческая невнятица: брызги невысказанных междометий, черные волны безнадежности с общим смыслом: «Мир несправедлив ко мне», водовороты иррационального детского облегчения: «Хорошо, что темно. Не видно, куда упадешь...» Кое-где попадаются островки осмысленности, причем такие связные, что просто смех и грех. Самый яркий: «За что меня-то? Я ведь даже не древний спартанец... отбраканный... чтоб с обрыва – вниз головой». Просто удивительно, как много всякого-разного намешано в голове человека, который одной ногой, можно сказать, уже вознесся на небеса, а другой – запутался собственном снаряжении, будто муха в паутине. Но бесспорным лидером по числу повторений безусловно является полумысль-полустон: «Как же это меня угораздило?»

Всю жизнь он был атеистом. Не воинствующим, но убежденным, так уж воспитали родители. На купола церквей в солнечный денек засматривался исключительно с точки зрения красоты архитектуры, ничьих имен всеу не поминал, а в случаях, когда супруга в ответ на какое-нибудь предложение серьезно отвечала: «Мне нужно посоветоваться с Боженькой», лишь снисходительно улыбался. Поэтому сейчас ему некому было молиться. Возможно, он и хотел бы попробовать – в глубине души, но не мог. Не умел. Ему не удалось даже вызвать в памяти иконописный лик кого-нибудь из святых: Богородицы или этого... Николая какого-то, то ли Угодника, то ли Чудотворца. Вместо них перед глазами вставал почему-то поясной портрет французского киноактера Жана Поля Бельмондо. Почему он-то? Воистину, и смех и грех. Но, мамочка моя, как же ему страшно!

Ему было страшно в тот раз, когда они с Алькой впервые пришли сюда и заглянули за край. Он помнит, как гулко стучало в висках сердце, с каким отчаяньем он вцепился в мягкую руку жены – до судорог, до синяков, и ее удивленный шепот: «Тош, ты такой бледный! Мне кажется, я могу видеть тебя без фонарика». «Я... не очень хорошо себя чувствую», – с трудом вымолвил он тогда, и это было крошечным шажком в сторону правды. Ее, так сказать, первым приближением. «Перевернутое небо Вороньей Сопки снова обрушилось на меня», – такой ответ был бы гораздо честнее и ближе к истине, но дать его и при этом остаться собой Антон никак не мог. К тому же, на самом деле никакое небо на него не рушилось. Ни перевернутое, ни нормальное, ни свернутое в трубочку – никакое! Разве только то, которое навечно поселилось у него в голове.

Ему было еще страшнее, когда он вернулся сюда уже один, поняв, что все остальные пути отступления отрезаны, а здесь у него по крайней мере есть шанс. Последний шанс, который он лично предпочел бы никогда не использовать. Но поступить иначе означало собственноручно подписать смертный приговор, и не один.

Ему стало совсем страшно, когда он сделал первый шаг вниз, повернулся спиной к пропасти и нащупал гладкой подошвой сапога верхнюю ступеньку. Как он боялся, что валун, здоревенная махина весом в добрую тонну, на вершине которой он закрепил трос, только кажется

такой надежной и непоколебимой, а на самом деле готова от первого толчка сдернуться с насиженного места и... Или не выдержит сам трос. Или одна из самодельных ступенек.

Но подлинных глубин ужаса он достиг только пару минут назад. Когда вместо очередного шага сделал обратное сальто с рюкзаком прогнувшись, а потом закрутился, замотался, но каким-то чудом не сверзился буйной головой на острые камни, зацепился носком сапога за ступеньку, а левой рукой в перчатке – за путеводную нить, несерьезно тонкую и скользкую, и в таком положении затих, пытаясь собраться с мыслями. Казалось бы, какие тут мысли? Однако, вот они, скачут туда-сюда, как кузнечики на сковородке, более того, становятся все осмысленнее по мере того, как замедляется, затихает прямо посреди черепной коробки бешеный бой сердечной мышцы, которой, согласно фольклору, следовало бы уйти в пятки, но уж никак не в голову.

Например, не прошло и тридцати секунд – маятник тела замедлил раскачивание, и Антон рискнул переплести свободную ногу с той, что угодила в спасительную ловушку, так чтобы между ними оказалась свернувшаяся косицей лестница – он уже знал ответ на основной вопрос. Тот самый: «Как же это меня угораздило?» Ответ был очевиден и неприятен, и на языке Алькиных подшефных в возрасте от семи до десяти формулировался просто: «Сам дурак». Дура-ак! – обругал себя Антон и от невозможности повторить ругательство вслух сильнее прикусил ручку фонарика. Дважды дурак! Дурак-рецидивист! Имбецил на триста децибел! Чемпион мира по прыжкам с разбегу на грабли!

Когда ты вываливаешься из кабины вертолета, дергаешь за кольцо, а спасительный купол не раскрывается, у тебя хотя бы есть возможность за те четыре секунды, которые тебе осталось лететь, снять ответственность с себя и переложить на кого-нибудь другого. На того, кто изготовил бракованный парашют, или того, кто его неправильно уложил, или на старшего группы, который не обратил внимание, что вместо ранца у тебя за плечами баул с картошкой... или на плечах, вместо головы. Ну а кого винить, когда все сам: и укладывал, и мастерил, и знал же, знал все особенности конструкции, не предусмотренные эскизом! Получается, только себя. Сам проявил недальнорукость, сэкономил на расходном материале, сам же чуть не поплатился. Даже чуть-чуть не поплатился. И ладно бы в первый раз!

Он намотал на кулак веревку, которой в перспективе предстояло протянуться от места стоянки, где осталась раненая жена, до выхода на поверхность, который он непременно обнаружит, если только не... Продолжать не хотелось. Веребочка тонкая, в отличие от лестницы, не закрепленная, случись что – не продержит и пары секунд, но с ней, трижды обернутой вокруг ладони, Антону стало чуточку спокойнее. Свободной рукой он поправил под подбородком ремешок, на котором держалась, оттягивая голову вниз, громоздкая каска. Тяжелая и бесполезная: аккумулятор налобника окончательно сдох часов шестьдесят назад, а пластмассовый корпус вкупе с поролоновой подкладкой при падении с пятнадцати метров защитят голову не лучше, чем таблетка цитрамона. Однако Антон не спешил расставаться с каской. Пусть поболтается пока. Вдруг пригодится.

Какими бы осторожными и незначительными ни были его действия, на некоторое время они нарушили хрупкое равновесие неустойчивой системы, состоящей из веревочной лестницы и ее создателя. Да уж, настоящего лестничных дел мастера, с мрачной иронией подумал Антон, шаркнул лопатками по скальному склону и решил на некоторое время воздержаться от резких движений. Ладно бы в первый раз! – вернулся он к прерванной мысли. Но ведь подобное с ним уже случалось. Правда, тогда – без риска для жизни. Можно сказать, на бытовом уровне.

Полгода назад, одна из кухонных табуреток повредила ножку. Словосочетание «повредила ножку» заставило Антона поморщиться, но сила тяжести плюс тугий ремешок каски быстро разгладили черты лица. Тем более, что то повреждение не было катастрофическим. Всего одна ножка, что-то вроде вывиха, причем внизу, у самого пола. Выбрасывать жаль, выправлять и обматывать дефектное место изолентой бессмысленно. Как быть? И тогда Антон

пошел на радикальный шаг. При помощи ножовки по металлу он отпилил увечную ножку чуть выше изъяна. Затем подпилил оставшиеся три, чтобы выровнять их по длине. На укороченные ножки снова надел пластмассовые пробки-заглушки. Замысел удался, казалось, что после ремонта табуретка стала в точности такой же, как раньше, особенно если смотреть сверху. Это на вид. Но оставалась еще память тела.

Именно она заставляла всякого, кто пытался сесть на отреставрированный табурет, вскрикивать и нервно хвататься за первое, что подвернется под руку. Это отвратительное чувство: ты опускаешься на стул заученным с детства движением, на привычный стул, на который прежде садился бесчисленное число раз, а стул, выражаясь примитивным языком ощущений, все не наступает и не наступает. В той точке траектории твоего тела, где оно обычно встречалось с гладкой поверхностью сиденья, ты к ужасу своему обнаруживаешь один лишь воздух и, естественно, вскрикиваешь, и рефлекторно совершаешь хватательные движения, и падаешь вниз... на высоту подпиленных ножек. Дешевенький аттракцион, но по остроте ощущений он не уступает крутым рельсовым горкам луна-парка, изобретение которых русские и американцы великодушно приписывают друг другу.

Вот и с лестницей получилась примерно та же история. Только хуже, принимая во внимание, что падение с нее могло не ограничиться пятью сантиметрами, как в случае с табуреткой. И даже двадцатью, на которые на самом деле отличаются интервалы между ступеньками на разных ее участках. Здесь счет мог пойти на метры. И еще может пойти, если Антон не продемонстрирует в ближайшее время чудеса ловкости и смекалки.

Тросовую лестницу, как и большую часть прочего снаряжения, он мастерил сам, дома, украдкой. Трудился урывками половину апреля и весь май, выбирая для работы те моменты, когда Аля была в школе. Готовил сюрприз для супруги. И в результате приготовил, только скорее для себя. Когда на середине изготовления двадцатипятиметровой лестницы Антон обнаружил, что троса для навески поперечных перекладин-ступенек осталось неожиданно мало, он не отправился в магазин за новым мотком – время поджимало, да и денег было в обрез, – а вспомнил о модном лозунге, украшавшем все подступы к городу и, в частности, крышу соседней девятиэтажки со стороны фасада, выходящего на бульвар. «Экономика должна быть экономной!»

Антон решил поддержать отечественную экономику. Он стал крепить ступеньки реже, не через сорок сантиметров, как рекомендовалось в справочнике, а через шестьдесят. В итоге получилась лестница с переменным шагом, а ее изготовитель пошел на поводу у памяти тела и оказался в таком вот неловком положении. Иначе говоря, попал в просак. Кстати, просаками когда-то на Руси называли именно плетеные канаты, их развешивали во дворе для просушки, и тот, кого угораздило в них запутаться...

Хватит! – Антон решительно пресек всплеск эрудиции, вызванный то ли перенесенным шоком, то ли притоком крови к голове. Не время изображать южноамериканского ленивца и искать, кого бы обвинить в собственных бедах. Еще полчаса такого висения и наступит кровоизлияние в мозг. Так что пора выбираться.

Только вот как?

Подняться, опираясь на путеводную нить не получится – хлипкая веревка в случае чего способна поддержать разве что психологически. Остается два варианта. Первый: ухватиться руками за перекрученную лестницу, которая свисает где-то за головой, и долго дрыгать ногами в надежде выпутаться из ловушки, затем завершить так неудачно начатое сальто, и оказаться в положении «верхом на канате». И второй: понадеявшись на крепость пут, сложиться пополам, одной рукой перехватиться за лестницу как можно выше, другой попытаться распутать ноги. Второй вариант казался Антону предпочтительнее. В нем не было резких движений и меньшая нагрузка приходилась на кисти рук.

В принципе, похожее упражнение он не раз выполнял на турнике. Повиснуть вниз головой на перекладине, держась за нее мысками кедров или просто участками босых стоп, которые иллюстрированный анатомический справочник определял как плюсны, затем, нависевшись вдоволь, согнуться, подать корпус вперед и вверх и ухватиться за перекладину руками. С той разницей, что за турник Антон цеплялся все-таки двумя ногами, а не одной, шероховатая материя кедров обеспечивала лучшую сцепляемость, чем глянцевая гладкость резиновых сапог, да и сама перекладина располагалась не на высоте десятка метров и не над острыми камнями. Кроме того, нужно признать, это упражнение никогда не было его любимым.

Лестница-канат уже не раскачивалась из стороны в сторону и не закручивалась вокруг своей оси. Антон повисел еще немного, успокаиваясь и собираясь с силами. Сделал глубокий вдох, другой и... поймал себя на том, что просто тянет время. А, все равно не надышишься! Тогда он зажмурился так, что зашумело в ушах...

И увидел на внутренней поверхности век улыбающуюся физиономию Жана Поля Бельмондо. Вернее сказать, большой цветной плакат с его изображением. На плакате актер стоял на фоне неправдоподобно-голубого неба, просунув большие пальцы рук в петли на поясе джинсов, в просторной рубашке навывпуск с засученными по локоть рукавами. Просто стоял, смотрел чуть исподлобья и улыбался. И ни взъерошенные ветром волосы, ни отчетливые морщины на лице, ни пухлые боксерские губы, ни нос – огромная, точно экспонат с выставки достижений народного хозяйства, картошка – ничто не могло нарушить его очарования. Бельмондо... Антон где-то читал, что все рискованные трюки в фильмах этот замечательный актер выполняет сам, без каскадеров и, кажется, без страховки. Совсем как Антон сейчас. Правда, в отличие от Жана Поля, ему придется обойтись также без консультанта, без постановщика трюков, без осветителя и, самое главное, без надежды на повторный дубль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.